2шк
с

ТАЙНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

восточной политики царскаго правительства (1881—1890)

БЕРЛИНЪ.
Изданіе Гуго Штейница
Шарлоттенштрассе 2.

2шк
С

„Прав 49“

„Прав 38“

15135

Послѣдовательные демократы и — прежде всего — соціалисты, вправѣ требовать отъ предстоящей революціи, — въ какой бы формѣ ни совершилось неизбѣжное крушеніе самодержавнаго строя Россіи — во всякомъ случаѣ, основательной очистки Авгіевыхъ конюшенъ нашего государственнаго строя, какъ въ видѣ полнаго уничтоженія монархія, такъ и въ видѣ коренной ломки всего бюрократическаго аппарата, сопровождаемой удаленіемъ всѣхъ общественно негодныхъ элементовъ. Между тѣмъ, регистрація преступленій царизма недостаточно полно ведется не только въ подцензурной печати, — не смотря на всю краснорѣчивость однихъ голыхъ фактовъ — но и въ памяти революціонныхъ слоевъ населенія; — она должна быть закрѣплена нелегальной прессой.

Небезъинтересно, поэтому, приподнять край завѣсы съ того уголка политической арены русскаго царизма, который былъ неистощи-

мымъ амбаромъ идеалистической лжи нашего правительства — въ области пресловутой „восточной политики", инспируемой, якобы, гуманнѣйшими побужденіями братской любви къ угнетеннымъ славянскимъ народностямъ. Предлагаемъ, поэтому, читателямъ выдержки*) изъ одной интересной книги вышедшей въ Берлинѣ 1893 г. подъ заглав.: „Тайные документы русской Восточной политики 1881—1890 г."

У книги этой — своя исторія. Это переводъ книги изданной болгарскимъ правительствомъ въ видѣ послѣдняго средства въ борьбѣ маленькой Болгаріи противъ всемогущей Россіи; напечатана она въ Софіи, въ типографіи бывшаго органа болгарскаго правительства „Свобода". Фактическимъ издателемъ ея былъ тогдашній министръ президентъ Стамбуловъ, который впослѣдствіи поплатился за это изданіе жизнью, послѣ того, какъ царскому правительству не удалось 15-го сентября 1890 г. первая попытка отдѣлаться отъ своего врага путемъ покушенія на его жизнь руками подосланнаго „съ высочайшаго соизволенія" капитана Метететелова. Болгарскій президентъ

*) Составлено по статьямъ Vorwärts'a (1904).

палаты Петковъ, приверженецъ Стамбулова, написалъ предисловіе къ этой книгѣ. Внѣшнимъ образомъ книга носила только оффиціозный характеръ, но фактически, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, она является оффиціальнымъ вынужденнымъ актомъ самозащиты со стороны болгарскаго правительства.

Въ книгѣ этой помѣщены 241 телеграмма, тайные циркуляры и секретная переписка русскихъ чиновниковъ въ Болгаріи и Румыніи съ царскимъ правительствомъ, начиная съ обыкновенныхъ консуловъ и агентовъ и кончая императорскимъ посланникомъ въ Бухарестѣ. Большинство этихъ документовъ — и при томъ важнѣйшіе изъ нихъ — принадлежатъ перу тогдашняго русскаго посланника въ Бухарестѣ Хитрово, котораго служба въ балканскихъ государствахъ послѣ этихъ разоблаченій очевидно сдѣлалась невозможной: онъ былъ перемѣщенъ съ должности русскаго дипломатическаго агента въ Софіи на постъ Лиссабонскаго посланника. Его прошлое не помѣшало ни португальскому правительству благосклонно принять его, ни представителямъ другихъ великихъ державъ — держаться съ нимъ на равной ногѣ. Другіе документы вы-

шли изъ петербургскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, частью изъ подъ пера министра Гирса, частью же писаны директоромъ азіатскаго департамента, Мельниковымъ.

Болгарское правительство получило эти компроментирующіе документы отъ драгомана (переводчика) русскаго посольства въ Бухарестѣ за то время, когда этотъ драгоманъ, нѣкій Якобсонъ, состоящій прежде при русскомъ консульствѣ въ Рущукѣ, былъ хранителемъ тайнаго архива консульствъ, т. е. послѣ удаленія изъ Болгаріи, въ ноябрѣ 1886 г., всѣхъ русскихъ консуловъ и до 1889 г. И вотъ въ 1891 г. русское правительство преслѣдуетъ Якобсона за передачу документовъ; болгарское правительство отказывается его выслать, и Якобсону удается, заметая свои слѣды, бѣжать въ Австралію.

По заявленіямъ Петкова и Стамбулова, нечего сомнѣваться въ подлинности документовъ: нѣкоторые изъ нихъ были уже въ 1892 г. ранѣе появленія въ видѣ книги, опубликованы въ „Свободѣ“ въ „Kölnische Zeitung“ и въ „Neue Freie Presse“.

Закулисы руссофильскихъ манифестацій болгарскаго народа и фабрикація благопріятныхъ выборовъ.

Оффиціальная исторія говоритъ, что болгарскій народъ привыкъ считать Россію своей естественной и исторической покровительницей. Оффиціальная исторія зарегистровываетъ цѣлый рядъ торжественныхъ празднованій „Александрова дня“ (30 августа) при единодушномъ участіи „всего народа“. Ключъ къ уразумѣнію такого всенароднаго единодушія даетъ цитируемая нами книга.

Царскому правительству нужно выраженіе чувствъ преданности населенія къ священной особѣ царя или ставленнаго имъ болгарскаго князя — и летятъ секретные предписанія изъ Петербурга въ Болгарію, а вслѣдъ за ними мобилизуются агенты тайной полиціи.

Въ шифрованной телеграммѣ русскаго дипломатическаго агента въ Болгаріи, г. Хитрово, къ русскому консулу въ Болгаріи, говорится, что онъ, Хитрово, дѣлаетъ съ княземъ круго-

вую поѣздку по Болгаріи, чтобы освѣдомить населеніе страны о волѣ царя. А именно:

„Не угодно ли вамъ позаботиться, чтобы насъ встрѣчали и принимали по возможности торжественнѣе. Приложите всѣ старанія и употребите всѣ необходимыя средства; израсходованныя на этотъ предметъ суммы будутъ вамъ возмѣщены изъ тайнаго фонда дипломатической агентуры".

28 августа 1883 г. чрезвычайный русскій агентъ въ Болгаріи, г. Гонинъ, посылаетъ консулу въ Рущукѣ секретное письмо, въ которомъ говорится:

„Тезоименитство государя императора должно быть отпраздновано самымъ торжественнымъ образомъ и черезъ министра иностранныхъ дѣлъ должна быть послана Его Величеству поздравительная телеграмма".

Затѣмъ дается предписаніе сдѣлать эти празднества „возможно болѣе демонстративными для того, чтобы мы, въ случаѣ необходимости, могли сослаться на всеобщую и открыто выраженную волю народа".

Ставшее у власти въ первые годы княженія Александра Баттенберга министерство Каравелова было очень не по сердцу Петербург-

скому правительству. Независимость и радикальная тенденція главы министерства находили поддержку въ довольно-таки либеральной Тырновской (1879 г.) конституціи княжества. Царское правительство порѣшило раздѣлаться однимъ ударомъ и съ неудобнымъ режимомъ княжества и съ исполнителями его. Князь Баттенбергъ, инспирированный на похоронахъ Александра II, объявляетъ, по возвращеніи въ Болгарію, объ увольненіи министерства Каравелова и о необходимости пріостановить дѣйствіе тырновкой конституціи, „которая разстроила страну внутри и дискредитируетъ ее извнѣ“. Затѣмъ объявляется составленіе временнаго кабинета „для обезпеченія свободы выборовъ и поддержанія порядка въ странѣ“ и назначается на первое іюня 1881 г. (въ Систовѣ) великое народное собраніе *). Одновременно начинается закулисное дирижированіе ходомъ предстоящихъ выборовъ. Г. Хит-

*) Великое собраніе — чрезвычайное народное собраніе Болгарскаго княжества, собирающееся противъ обыкновеннаго въ двойномъ числѣ депутатовъ для разрѣшенія вопросовъ особой важности, для установленія и пересмотра конституціи, избранія новаго князя и регентовъ.

рово разсылаетъ русскимъ консуламъ въ Болгаріи циркуляръ, въ которомъ говорится: „Болгарскій военный министръ (русскій генералъ Эренротъ) сообщилъ мнѣ лично, что совѣтомъ министровъ постановлено арестовать нѣкоторыхъ выдающихся лицъ между приверженцами бывшаго министра и уволенными со службы чиновниками. Мѣры эти, по мнѣнію генерала Эренрота, безусловно необходимы ввиду того, что приближается время, назначенное для выборовъ въ „Великое Собраніе“. Генералъ Эренротъ полагаетъ, что „Великое Собраніе“ будетъ состоять исключительно изъ нашихъ приверженцевъ, если своевременно будутъ устранены отъ участія въ выборахъ вліятельные члены оппозиціонной партіи“.

Въ частномъ письмѣ при этомъ циркулярѣ г. Хитрово пишетъ, что эти аресты и обыски у вожаковъ либеральной партіи предоставляются личному усмотрѣнію спеціально назначеннаго чрезвычайнаго коммиссара. Въ другомъ циркулярномъ посланіи даются прямыя указанія, какъ обойти тайну выборовъ, при чемъ это говорится въ такой циничной формѣ:

„По мнѣнію генерала Эренрота, такой способъ веденія выборовъ не очень законенъ,

но вполнѣ хорошъ для достиженія жалаемой цѣли".

Разсчетъ былъ вѣренъ: Великое собраніе пріостановило на семь лѣтъ дѣйствіе Тырновской конституціи, а князю предоставлены были широкія полномочія, которыя превратились вскорѣ въ право вовсе не созывать народнаго собранія.

Роль царскаго правительства въ государственныхъ смутахъ Болгаріи.

Оффиціальный и неоффиціальный путь.

Нижеприводимыми документами устанавливается безусловный фактъ, что съ вѣдома, по желанію и на деньги русскаго правительства въ Болгаріи не только производились государственные перевороты и устраивались заговоры, но даже дѣлались дипломатическія покушенія и попытки убійства какъ Баттенберга, такъ и теперешняго князя Фердинанда Кобургскаго.

При этомъ, само собой разумѣется, русское правительство старается, по мѣрѣ возможности, помѣшать разоблаченію оффиціальныхъ сношеній своихъ чиновниковъ съ заговорщиками и исполнителями покушеній. Удается дѣло — хорошо; тогда, какъ и въ Сербіи, заговорщики и убійцы получаютъ награды; если же предпріятія терпятъ неудачу, отъ исполнителей просто открещиваются. Рецептъ такъ же простъ, какъ и старъ; книга даетъ цѣлый рядъ доказательствъ того, что онъ былъ вѣренъ.

Прослѣдимъ это документально на исторіи двухъ княженій: Баттенберга и Кобурга.

Царское правительство, возведя, по окончаніи русско-турецкой войны, Баттенберга на болгарскій престолъ и окруживъ его русскими чиновниками въ роли министровъ и русскими офицерами въ рядахъ арміи, разсчитывало сдѣлать Болгарію русской провинціей. Такъ какъ самосознаніе Баттенберга и болгарскаго народа съ годами росло и крѣпло, то царское правительство старалось взаимно натравливать другъ на друга князя и народъ — чтобы властвовать надъ обоими. Началась политика заговоровъ противъ князя и подстрекательства

войска и народа противъ князя и правительства. Иванъ Алексѣевичъ Зиновьевъ, бывшій дипломатическій агентъ въ Румыніи, а затѣмъ директоръ департамента министерства иностранныхъ дѣлъ, уже въ сентябрѣ 1882 г. говоритъ о русской „иниціативѣ въ вопросѣ объ удаленіи князя изъ Болгаріи", и организуетъ оппозицію противъ князя, совѣтуя „порицать образъ дѣйствія князя и сваливать на него отвѣтственность за государственный переворотъ".

Въ ноябрѣ 1883 г. русскій чрезвычайный дипломатическій агентъ въ Софіи, Гонинъ, говоритъ въ „конфиденціальномъ" письмѣ къ генеральному консулу въ Рущукѣ: „Главная наша задача состоитъ въ удаленіи принца Баттенберга. Для этого есть два способа: возстаніе и законный путь".

Далѣе онъ объясняетъ, почему послѣдній путь a priori кажется ему лучшимъ: потому что возстаніе легко могло бы вызвать столкновеніе съ сюверепомъ, султаномъ.

20 марта 1886 г. начинается агитація русскихъ чиновниковъ противъ князя; правитель дѣлъ консульства въ Рущукѣ сообщаетъ директору Азіатскаго департамента въ Петер-

бургѣ, что Баттенбергъ ввелъ настоящій насильственный режимъ, форменно „поддерживаетъ разбойничьи банды“, что „судьи и присяжное повѣренные всецѣло въ рукахъ полицейскихъ агентовъ“ — однимъ словомъ, рисуютъ полную картину русскаго режима — и затѣмъ прибавляетъ:

„Извѣстный консульству Фома Кирдьевъ, доказавшій затѣмъ свою преданность намъ и стоящій во главѣ здѣшней либеральной партіи, сообщилъ мнѣ по секрету о намѣреніи либеральной партіи учредить здѣсь и въ другихъ центрахъ исполнительные комитеты для низверженія князя Александра и его правительства. Комитеты будутъ дѣйствовать тайно, путемъ заговора . . .

„Г. Кирдьевъ проситъ меня выдать ему заимообразно, срокомъ до утвержденія временнаго правительства, 20.000 франковъ на устройство исполнительныхъ комитетовъ.“

Директоръ Азіатскаго департамента отвѣчаетъ ему отъ 2 апрѣля, что императорское министерство иностранныхъ дѣлъ приказало выдать ему требуемыя деньги. Затѣмъ онъ предписываетъ, въ виду того, что заговорщики сначала хотятъ ограничиться распро-

страненіемъ печатныхъ протестовъ противъ князя и правительства, принять и болѣе радикальныя мѣры, коль скоро открытые протесты народа не приведутъ къ желаемымъ результатамъ. Во всякомъ случаѣ выполненіе народной воли: изгнаніе принца Баттенберга изъ Болгаріи и устраненіе теперешняго правительства, — должно быть возложено на войско, для какой цѣли избираются преданные намъ болгарскіе офицеры . . .

„. . . При этомъ я считаю необходимымъ привлекать агентовъ нашей тайной полиціи къ участію въ дѣлѣ устройства исполнительныхъ комитетовъ.“

Послѣ этого „въ исполненіе отношенія отъ 28 іюня“, по приказанію директора департамента полиціи, былъ посланъ въ Болгарію для организаціи заговора статскій совѣтникъ Мищенко.

21 августа 1886 г. князь Александръ былъ свергнутъ съ престола военной революціей и подъ арестомъ увезенъ въ Россію (въ Рени). Болгарское войско, въ лицѣ своего большинства, провозглашаетъ опять Баттенберга княземъ, онъ возвращается назадъ, но, не чувствуя силъ удержаться у власти, отрекается отъ

престола. Слѣдуетъ регентство Стамбулова. Назрѣваетъ планъ возведенія на болгарскій престолъ новаго ставленника царскаго правительства, и 3 марта 1887 г. Хитрово, бывшій тогда русскимъ посланникомъ въ Бухарестѣ, телеграфируетъ, что рущукскій префектъ Мантовъ готовъ вступить въ переговоры съ болгарскимъ регентомъ Стамбуловымъ относительно избранія графа Игнатьева на тронъ болгарскаго князя (этотъ Игнатьевъ въ бытность константинопольскимъ посланникомъ получилъ кличку „отца лжи“). На это Мантовъ требуетъ „скромную сумму въ 15.000 наполеоновъ“ и Хитрово проситъ инструкцій. 10 марта онъ получаетъ отъ директора Азіатскаго департамента отвѣтъ (въ видѣ шифрованной телеграммы): „что Императорское Министерство Иностранныхъ Дѣлъ разрѣшаетъ вести съ Г. Мантовымъ переговоры, какъ съ частнымъ лицомъ. Денежный вопросъ соблаговолите, М. Г., разрѣшить по Вашему усмотрѣнію.“

14 марта Хитрово сообщаетъ въ Рущукъ драгоману консульства: „Сообщите Г. Мантову, что онъ можетъ пріѣхать въ Бухарестъ для частныхъ переговоровъ со мной относи-

тельно извѣстнаго дѣла. Въ качествѣ оффиціальнаго лица я не могу его принять."

Вся эта затѣя терпитъ неудачу. Между тѣмъ, царское правительство вступается за заговорщиковъ, арестованныхъ по дѣлу 21 августа 1886 г., и болгарское правительство оказывается вынужденнымъ освободить Груева и Бендерева, а равно и русскаго капитана Набокова; печальной памяти Каульбарсъ царитъ въ Болгаріи; болгары просятъ у европейскихъ дворовъ защиты противъ русскихъ, и 8 декабря на болгарскій престолъ возводится Фердинандъ Кобургскій.

Русское правительство начинаетъ противъ князя Фердинанда точно такую же травлю, какъ и противъ Баттенберга. Но, если оно довольствовалось относительна Баттенберга низверженіемъ съ трона, то для Кобурга оно требуетъ смерти.

Директоръ Азіатскаго департамента сообщаетъ бухарестскому посланнику въ шифрованной телеграммѣ отъ 10 августа 1887 г., ссылаясь на русскую циркулярную ноту европейскимъ державамъ относительно князя: „что Императорское правительство рѣшило окончательно считать принца Кобургскаго узур-

патором, стоящимъ внѣ закона, почему всѣ дѣйствія, направленныя противъ Кобурга съ цѣлью удаленія его изъ Болгаріи, не должны подлежать судебному преслѣдованію."

Это, попросту, значило, обѣщать премію за убійство „Кобурга!" Но чтобы не было никакихъ сомнѣній относительно намѣреній русскаго правительства, къ этому прибавляется:

„Сообщая Вамъ вышеприведенное окончательное рѣшеніе Императорскаго правительства, прошу Васъ оказывать поддержку надежнымъ людямъ, которые готовы принять дѣятельное участіе въ удаленіи принца Кобургскаго изъ Болгаріи."

Такіе „надежные люди" нашлись. 10 октября Хитрово смогъ уже сообщить ему, что драгоманъ русскаго консульства въ Рущукѣ знаетъ русскаго артиллерійскаго подпоручика Каблокова, который находится въ интимныхъ отношеніяхъ съ вліятельными болгарскими офицерами, этими новѣйшими „вождями націи". Каблоковъ посланъ уже въ Бухарестъ и готовъ къ услугамъ Россіи въ дѣлѣ устраненія Кобурга.

По мнѣнію этого г. Каблокова, неудачу рущукской революціи слѣдуетъ приписать гуманному образу дѣйствій разстрѣляннаго майора Узунова. Революціонная вспышка въ Рущукѣ во время „стамбуловскаго режима“ была инспирирована царскимъ правительствомъ, но была подавлена, при чемъ главные ея руководители: начальникъ рущукскаго гарнизона майоръ Узуновъ и эмигрантъ Пановъ были казнены. Чтобы избѣжать въ будущемъ такихъ результатовъ, подпоручикъ Каблоковъ рекомендуетъ майора Паницу, который, разъ согласившись, не будетъ разборчивъ въ средствахъ, ведущихъ къ цѣли, при устраненіи принца Кобургскаго; только при такихъ, по его мнѣнію, условіяхъ можно разсчитывать на успѣхъ.“

18 октября директоръ Азіатскаго департамента телеграфируетъ Хитрово:

„Поставить на видъ Г. Якобсону (драгоману бухарестскаго посольства) о необходимости быть въ высшей степени осмотрительнымъ въ данномъ случаѣ, чтобы не стало извѣстнымъ наше участіе въ удаленіи принца Кобургскаго изъ Болгаріи путемъ заговора (того же майора Паницы!).“

4 ноября онъ телеграфируетъ Хитрово:

„Въ отвѣтъ на секретную телеграмму отъ 2 ноября имѣю честь сообщить Вашему Превосходительству, что было бы желательно, чтобы переговоры перваго секретаря Императорскаго посольства съ майоромъ Паницей имѣли частный характеръ и чтобы свиданія Г. Вильямова (т. е. этого секретаря) съ названнымъ офицеромъ происходили въ одномъ изъ придунайскихъ городовъ Румыніи. Относительно условій майора Паницы и результата переговоровъ съ нимъ соблаговолите, М. Г., удостоить меня телеграфнаго увѣдомленія."

18 ноября въ той же перепискѣ говорится, что нѣкій купецъ Новиковъ разсчитываетъ найги въ Софіи людей для того, чтобы удалить принца Кобургскаго изъ Болгаріи путемъ заговора, а 3 декабря императорскій посланникъ въ Бухарестѣ отвѣчаетъ, что секретарь посольства велъ переговоры съ майоромъ Паницей, и что тотъ поставилъ восемь условій, изъ которыхъ первое гласитъ: „Императорское правительство даетъ оружіе и аммуницію для македонскаго возстанія."

Директоръ петербургскаго Азіатскаго департамента отвѣчаетъ отъ 20-го числа, что

это первое условіе не можетъ быть принято; — но послушайте только основаніе, по которому царское правительство отклоняетъ „условіе“ заговорщиковъ: потому что въ данное время возстаніе въ Македоніи, даже при самомъ благопріятномъ исходѣ, — не въ нашихъ интересахъ.

Между тѣмъ заговоръ противъ князя идетъ своимъ путемъ. 23 января 1888 г. русскій посланникъ въ Бухарестѣ сообщаетъ, что вышеупомянутый купецъ Новиковъ хочетъ сдѣлаться поставщикомъ оружія для болгарской арміи.

„Въ качествѣ поставщика оружія для мѣстной арміи г. Новиковъ, во время своего пребыванія въ Болгаріи, будетъ въ состояніи безпрепятственно осуществить заговоръ противъ принца Кобургскаго.“

10 февраля русскій военный министръ далъ свое согласіе „предоставить купцу Новикову какое угодно количество оружія изъ нашихъ заводовъ для поставки въ болгарскую армію“.

А полгода спустя высшіе русскіе чиновники уже совершенно открыто рекомендовали своему правительству убійство князя. 23 декабря 1888 г. директоръ Азіатскаго департамента

посылаетъ императорскому повѣренному въ дѣлахъ въ Бухарестѣ слѣдующую телеграмму:

„Президентъ славянскаго благотворительнаго общества (это былъ гр. Н. Игнатьевъ, „отецъ лжи", бывшій русскій посланникъ въ Константинополѣ, намѣченный однажды въ князья Болгаріи) просилъ директора департамента полиціи предписать департаментскимъ чиновникамъ оказывать содѣйствіе болгарамъ при удаленіи изъ княжества принца Кобургскаго и при устраненіи мѣстныхъ властей. Агенты посланные въ Болгарію переодѣтыми въ костюмы рыбаковъ, доложили д. с. с. Дурново, что они, изучивъ желѣзно-дорожную линію Рущукъ-Варна, сочли болѣе всего удобной для устройства крушенія поѣзда мѣстность у Ишукуръ-Чифлика.

„Къ этому сообщенію Г. Дурново прибавилъ, что его агенты, которые сумѣли бы руководить выполненіемъ этого плана, живутъ въ Измаилѣ и въ случаѣ надобности могли бы отправиться въ Рущукъ въ качествѣ рыбаковъ.

„Вслѣдствіе этого я прошу Васъ, Милостивый Государь, сообщить лицамъ, которые за-

явили о своей готовности выполнить этотъ планъ, что взрывчатое вещество и планъ мѣстности будутъ переданы имъ къ назначенному времени русскими рыбаками въ Рущукѣ. Прошу Васъ, равнымъ образомъ, сообщить это командующему жандармеріей въ Измаилѣ."

Наконецъ, 14 іюня 1889 г. посланникъ Хитрово докладываетъ, между прочимъ, въ Петербургъ:

„Кромѣ того, г. Цанковъ лично проситъ предоставить въ его распоряженіе необходимую сумму для распредѣленія между нѣсколькими лицами, которые взялись принимать непосредственное участіе въ государственномъ переворотѣ и сговорились съ другими убить принца Кобургскаго."

И знаменитый царскій посланникъ предлагаетъ распорядиться выдачей этихъ денегъ черезъ русскаго посланника въ Бѣлградѣ, гдѣ будетъ жить г. Цанковъ „до государственнаго переворота".

8 дней спустя, 22-го іюня, директоръ Азіатскаго департамента предписываетъ г. Хитрово произвести выдачу Цанкову 50.000 франковъ черезъ Бѣлградскаго посланника.

Такимъ образомъ — благодаря русскимъ деньгамъ — заговоръ подвигается впередъ, 26 сентября царское правительство уже не довольствуется однимъ только своимъ согласіемъ на убійство, — оно требуетъ его.

Директоръ Азіатскаго департамента посылаетъ импер. посланнику въ Бухарестѣ секретное сообщеніе, въ которомъ, между прочимъ, говорится: „императорское правительство не можетъ согласиться, чтобы принцъ Кобургскій былъ устраненъ такимъ же законнымъ путемъ, какъ принцъ Баттенбергъ“...

(Принцъ Баттенбергъ, какъ извѣстно, былъ въ результатѣ военнаго заговора схваченъ и увезенъ въ Россію; — царскій чиновникъ называетъ это: „законнымъ путемъ!“)

„Принцъ Кобургскій захватилъ власть въ княжествѣ путемъ подкупа, устрашенія и насилія, и, слѣдовательно, это преступленіе должно быть искуплено не простымъ изгнаніемъ изъ Болгаріи, но отдано на судъ народа для строгаго возмездія.“

И вотъ начинаются переговоры съ заговорщиками о томъ, какъ нужно устроить этотъ „судъ народа“, и 17 декабря 1889 г. русскій посланникъ Хитрово уже сообщаетъ въ Пе-

тербургъ „постановленіе военно-революціоннаго комитета въ Софіи“, переданное ему организаторомъ заговора, спеціально посланнымъ въ Болгарію русскимъ подпоручикомъ Каблоковымъ.

По этой телеграммѣ пунктъ 3 этого постановленія гласитъ:

„3. Принца Кобургскаго, какъ главнаго виновника . . . казнить, съ какой цѣлью онъ долженъ быть переданъ суду народныхъ представителей, назначенному военнымъ комитетомъ.“

Коментаріи ко всему этому излишни. Смыслъ этого плана убійства, не только одобреннаго царскимъ правительствомъ, но прямо провоцированнаго имъ, слишкомъ ясенъ. 19 января 1890 г. императорскій посланникъ въ Бухарестѣ, ликуя, сообщаетъ, что майоръ Паница извѣщаетъ подпоручика Каблокова: „Принцъ Кобургскій, министерство и полицейскія власти въ нашихъ рукахъ“.

При этомъ г. Хитрово прибавляетъ: „Просите, пожалуйста, императорское правительство о скоромъ назначеніи и отправкѣ въ Бѣлградъ императорскаго коммиссара. Всякое

промедленіе въ высшей степени опасно для дѣла".

А 21 января Хитрово приходится телеграфировать въ Петербургъ, что въ предыдущую ночь арестованы въ Софіи „майоръ Паница и другіе участники покушенія противъ принца Кобургскаго". Арестованъ былъ и подпоручикъ Каблоковъ, и участіе русскаго правительства въ этомъ заговорѣ становится очевиднымъ. 17 іюня 1890 г. майора Паницу разстрѣливаютъ на глазахъ всего гарнизона въ Софіи, а подпоручика Каблокова, осужденнаго на 9 лѣтъ тюрьмы, въ августѣ выдаютъ Россіи. Такъ царскому правительству и до сихъ поръ не удалось добиться убійства Кобурга.

Динамитныя бомбы и Царь-Миротворецъ.

Реальная политика довела „гатчинскаго отшельника" и „Миротворца" до примѣненія въ сферѣ русскаго вліянія на Востокѣ динамит-

ныхъ бомбъ, изготовляемыхъ спеціальными агентурами, пересылаемыхъ посольствами и консульствами и направляемыхъ приказами изъ Петербурга. Таковы превратности судьбы!

Этотъ „невѣроятный“ фактъ документально устанавливается цитируемой нами книгой. Вотъ относящіяся сюда данныя:

Планъ русскаго правительства относительно насильственнаго низверженія и убійства князя Фердинанда Болгарскаго былъ уже составленъ въ главныхъ чертахъ, и 20 января 1888 г. Г. Хитрово посылаетъ директору Азіатскаго департамента въ Петербургѣ шифрованную телеграмму съ болѣе близкими указаніями относительно заговора купца Новикова, а именно:

„Купецъ Новиковъ думаетъ воспользоваться для выполненія намѣченнаго предпріятія динамитными патронами. Тоже самое ему совѣтуютъ заслуживающія довѣрія лица, которыя уже заявили, что примутъ непосредственное участіе въ дѣлѣ. Поэтому, я имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство отдать, если можно, распоряженіе, чтобы изъ нашихъ депо были посланы динамитные

патроны въ Рущукъ, куда ожидается прибытіе принца Кобургскаго.“

Яснѣе нельзя выразиться. Но это еще ничего. 12 января 1888 г. Хитрово телеграфируетъ тому же директору:

„Я сообщилъ купцу Новикову и подпоручику Каблокову содержаніе тайной телеграммы. Послѣдній уѣзжаетъ въ Софію для того, чтобы вступить въ договоръ съ военнымъ министромъ (замѣтьте: съ болгарскимъ военнымъ министромъ, который, слѣдовательно, завербованъ въ дѣло измѣны) относительно поставки ружей и револьверовъ. Купецъ Новиковъ отправляется въ Петербургъ, чтобы лично доложить Вашему Пр-ству о ходѣ заговора противъ принца Кобургскаго и испросить выдачу динамитныхъ бомбъ “

10 іюня 1888 г. императорскій повѣренный, телеграфируя, что Новиковъ нашелъ уже людей для заговора, проситъ: „выдать ему для этой цѣли динамитные патроны и, равнымъ образомъ, разрѣшить денежное вознагражденіе семьямъ лицъ, которые взялись за это дѣло и подвергаютъ себя весьма вѣроятной опасности. Новиковъ полагаетъ, что достаточно 50.000 фр.“

Директоръ департамента отвѣтилъ 14 августа изъ Петербурга, что просьба купца Новикова не можетъ быть исполнена, но не потому, чтобы милостью Божьей царское правительство не хотѣло и знать о такихъ гнусныхъ преступникахъ, а „потому что г. Новиковъ ничѣмъ не оправдалъ возложеннаго на него довѣрія".

А 23 декабря 1888 г. директоръ департамента въ упомянутой уже шифрованной телеграммѣ Бухарестскому посланнику далъ свое согласіе на доставку взрывчатыхъ веществъ, нужныхъ для устройства взрыва или схода съ рельсъ поѣзда, въ которомъ князь будетъ слѣдовать по линіи Рущукъ-Варна.

Рука объ руку съ этимъ разоблаченіемъ идутъ разоблаченія относительно назначенія полицейскихъ агентуръ, содержимыхъ царскимъ правительствомъ заграницей:

Въ секретномъ письмѣ Императорскаго Бухарестскаго посланника къ директору Азіатскаго департамента отъ 11 мая 1890 г. говорится:

„Начальникъ агентства (русской) тайной полиціи въ Парижѣ (Дѣйст. ст. сов. Рачковскій) послалъ въ Румынію слѣдить за русскимъ

соціалистомъ Бурцевымъ одного изъ подчиненныхъ ему чиновниковъ тайной полиціи. Кромѣ этого порученія д. с. с. Рачковскій приказалъ жандармскому офицеру Милевскому, во время пребыванія этого послѣдняго въ Болгаріи, оказывать содѣйствіе вполнѣ надежнымъ людямъ въ осуществленіи заговора противъ нѣкоторыхъ болгарскихъ властей и особенно противъ самозваннаго болгарскаго князя, принца Кобургскаго. Въ крайнемъ случаѣ, поручикъ Милевскій можетъ снабдить лицъ, которыя ему будутъ указаны нашимъ генеральнымъ консуломъ въ Константинополѣ, бомбами, приготовляемыми въ Парижѣ пиротехникомъ Федоровымъ". Далѣе изъ того же секретнаго письма видно, что „агенты", посланные въ Болгарію для убійства князя, были снабжены въ Парижскомъ русскомъ полицейскомъ агентствѣ французскими паспортами, и что объ этомъ было освѣдомлено русское посольство въ Парижѣ.

И это, повидимому, не исключительный случай, а обычный способъ, такъ какъ 7 іюня 1894 г. начальникъ Парижскаго агентства тайной полиціи д. с. с. Рачковскій сообщаетъ Бухарестскому русскому посланнику:

„Посылая прилагаемые при семъ выданные французскими властями заграничные паспорта, имѣю честь покорнѣйше просить Императорское посольство передать ихъ посланнымъ въ Румынію чиновникамъ нашей парижской тайной полиціи".

Теперь уже, положимъ, Хитрово въ письмѣ отъ 11 мая 1890 г. даетъ совѣтъ воздерживаться отъ всякихъ новыхъ покушеній въ Болгаріи до окончанія процесса мойора Паницы, потому что „болгары негодны на серьезныя дѣла и нельзя разсчитывать, что употребленіе приготовленныхъ въ послѣднее время въ Парижѣ динамитныхъ бомбъ приведетъ къ благополучному результату".

Но какова мотивировка!

И не только Хитрово такъ судитъ, но и руководитель внѣшней политики Россіи статсъ-секретарь Гирсъ, придерживается такихъ же циничныхъ взглядовъ. Въ частномъ письмѣ предсѣдателя департамента Государственнаго Совѣта къ Императорскому посланнику въ Бухарестѣ отъ 11 іюня 1890 г. говорится, между прочимъ:

М. Г., Михаилъ Александровичъ! Вы, Ваше превосходительство, были любезны сообщить

мнѣ отъ 10 мая, что нецѣлесообразно было бы снабдить находящихся въ Болгаріи агентовъ тайной полиціи нашими заграничными паспортами. Статсъ-секретарь Гирсъ, основываясь на сообщеніи Императорскаго посольства отъ 11 мая, пишетъ въ конфиденціальномъ письмѣ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, что онъ не одобряетъ инструкцій, данныхъ д. с. с. Рачковскимъ относительно выдачи нѣкоторымъ болгарамъ бомбъ, приготовленныхъ Федоровымъ. Принимая во вниманіе негодность болгаръ на серьезныя дѣла и бдительный надзоръ княжескихъ властей за членами партій оппозиціи, Министръ иностранныхъ дѣлъ считаетъ цѣлесообразнымъ пока ограничиться поддержкой живущихъ въ Константинополѣ и Бѣлградѣ болгарскихъ эмигрантовъ въ осуществленіи взятыхъ ими на себя задачъ".

Итакъ, если посланникъ, директоръ департамента полиціи и министръ принимали такое участіе въ заговорахъ и покушеніяхъ на жизнь князя, то возникаетъ вопросъ, могъ ли не знать объ этихъ преступленіяхъ Александръ III? Два десятилѣтія уже продолжаются русскія интриги въ Болгаріи; опубликованные болгарскимъ правительствомъ „тайные документы"

начинаются въ 1881 г.; уже въ эту пору директоръ Азіатскаго департамента сообщаетъ въ частномъ письмѣ рущукскому консулу, въ рукахъ котораго тогда были всѣ нити:

„Николай Карловичъ (Гирсъ) представилъ вчера на Высочайшее усмотрѣніе всѣ доклады и телеграммы, полученные имъ за послѣднее время. Государь Императоръ отнесся къ Вашимъ дѣйствіямъ и распоряженіямъ въ Болгаріи въ высшей степени благосклонно и повелѣлъ выразить всѣмъ вамъ его благодарность, что и будетъ Вамъ офиціально сообщено".

Въ шифрованной телеграммѣ отъ 2 іюня 1883 г. — изъ переписки тѣхъ же двухъ лицъ — съ предписаніемъ „склонять либеральную партію къ устройству митинговъ для порицанія правительственныхъ распоряженій и съ цѣлью требовать у князя сложенія имъ его полномочій", кромѣ того говорится:

„Дѣлайте доклады по телеграфу для освѣдомленія Государя Императора. Дѣйствуйте осторожно и не выдайте русской иниціативы".

Послѣ того, какъ заговоръ противъ Баттенберга потерпѣлъ неудачу, министръ иностран-

ныхъ дѣлъ телеграфируетъ 11 октября 1886 г. генералу Каульбарсу:

„На телеграмму Вашу отъ 9 октября о томъ, что болгарское правительство хочетъ отдать подъ судъ арестованныхъ офицеровъ, которые принимали 9-го августа участіе въ попыткѣ государственнаго переворота, и казнить заговорщиковъ, — его Величество повелѣть соизволилъ: если болгарскія власти подвергнутъ арестованныхъ офицеровъ суду и наказанію, то это будетъ разсматриваться какъ враждебное дѣйствіе, и Болгарія, не взирая ни на какія неблагопріятныя обстоятельства, будетъ занята военной силой". И Каульбарсу поручено передать это болгарскому правительству. 10 іюля 1888 г. директоръ Азіатскаго департамента телеграфируетъ русскому посланнику въ Бухарестѣ, что на докладъ статсъ-секретаря Гирса (относительно поставку оружія для заговора подпоручика Каблоокова): „Его Величество всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ отъ 2-го числа с. м., чтобы казенными заводами было выдано требуемое количество ружей № 2-й и револьверовъ".

По царскому повелѣнію, дѣлается даже призывъ къ сопротивленію полицейскимъ вла-

стямъ. Директоръ Азіатскаго департамента телеграфируетъ отъ 8 мая 1889 г. Хитрово относительно, якобы, оскорбленія митрополита Климента, состоящаго на русскомъ жалованьи:

„Его Величеству только крайне прискорбно, что весь болгарскій народъ безъ исключенія принимаетъ участіе въ этомъ нападеніи на православную вѣру и что правовѣрное населеніе Болгаріи обращается къ чужой помощи для сохраненіе этого единственнаго устоя своей самобытности, не пытаясь даже оказать сопротивленія намѣреніямъ незаконнаго князя и насиліямъ полицейскихъ властей". Лицемѣріе русскаго правительства выставляется во всей наготѣ въ планахъ майора Паницы относительно убійства князя Фердинанда, о чемъ уже говорено выше. Такъ, извѣстно, что „военный комитетъ", учрежденный заговорщиками, сообщилъ русскому правительству свои „условія". Пунктомъ третьимъ условій являлось убійство князя Фердинанда, пунктомъ шестымъ — назначеніе генерала Домонтовича императорскимъ коммиссаромъ для Болгаріи. По этому поводу директоръ Азіатскаго департамента пишетъ императорскому посланнику въ Бухарестѣ отъ 31 декабря 1889 года:

„Какъ Вашему превосходительству извѣстно, назначеніе Императорскаго коммиссара зависитъ отъ Высочайшаго соизволенія. Но министерство иностранныхъ дѣлъ находитъ несоотвѣтствующимъ монархическимъ и самодержавнымъ основамъ предлагать Государю Императору назначеніе коммиссара на основаніи просьбы революціоннаго комитета. Поэтому, прежде всего необходимо дать военному комитету законное утвержденіе, хотя бы и не прямымъ путемъ, — и только тогда возможно будетъ ходатайствовать о назначеніи Императорскаго коммиссара для Болгаріи. Пока же въ Болгаріи существуетъ дѣйствительное правительство и принцъ Кобургскій остается въ званіи Болгарскаго князя, военный комитетъ не можетъ быть нами официально признанъ.

Поэтому, прошу Ваше Превосходительство познакомить майора Паницу съ содержаніемъ этой бумаги, при посредствѣ драгомана нашего рущукскаго консульства и подпоручика Каблокова, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, просить названнаго офицера настаивать на возможно скорѣйшемъ выполненіи постановленія военнаго комитета. Прошу Васъ, М. Г., не замед-

лить сообщить по телеграфу отвѣтъ майора Паницы".

Русскій посланникъ отвѣчаетъ уже отъ 8 янв., что Паница настаиваетъ на назначеніи императорскаго коммиссара „для того, чтобы онъ могъ прибыть въ Софію на другой день послѣ государственнаго переворота, тотчасъ по выполненіи приговора надъ виновными съ принцемъ Кобургскимъ во главѣ".

Въ заключеніе онъ передаетъ угрозу майора Паницы:

„На этомъ основаніи военный комитетъ въ Софіи окончательно рѣшилъ отсрочить исполненіе постановленія о низверженіи принца Кобургскаго и объ устраненіи теперешнихъ властей княжества — до назначенія генерала Домонтовича Императорскимъ коммиссаромъ и его прибытія въ Бѣлградъ".

И вотъ русское правительство и самъ царь склоняется теперь передъ угрозой революціоннаго военнаго комитета.

Директоръ Азіатскаго департамента уже 19 янв. 1890 г. сообщаетъ императорскому посланнику въ Бухарестѣ:

„Считаю своимъ пріятнымъ долгомъ извѣстить Ваше Превосходительство, что Госу-

дарь Императоръ Высочайше соизволилъ заблаговременно назначить втайнѣ генерала Домонтовича коммиссаромъ для Болгаріи".

Затѣмъ слѣдуютъ дальнѣйшія предписанія,— сообщить это военному комитету, затѣмъ извѣщеніе, что Домонтовичъ прибудетъ въ Бѣлградъ 30 числа тек. мѣс. и увѣдомитъ о своемъ пріѣздѣ майора Паницу черезъ тайнаго агента.

Извѣстно, что уже 19 января майоръ Паница распорядился телеграфировать въ Петербургъ, чтобы Домонтовичъ немедленно выѣзжалъ, такъ какъ князь Фердинандъ и правительство, вмѣстѣ съ полиціей, въ его рукахъ, и всякое промедленіе крайне опасно, и что майоръ-заговорщикъ въ тотъ же день былъ арестованъ и 29 іюня разстрѣлянъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что, если бы сообщенія, касающіяся царя въ тайныхъ телеграммахъ высшихъ чиновъ были невѣрны, напримѣръ, вымышлены ими для того, чтобы обмануть заговорщиковъ, то ни одно изъ этихъ лицъ не могло бы оставаться на государственной службѣ послѣ того, какъ болгарское правительство опубликовало эту переписку. Такое издѣвательство надъ личностью и до-

стоинствомъ „Его Величества“ со стороны чиновниковъ не могло бы быть терпимо. Однако же, г. Хитрово получилъ лучше оплачиваемый постъ лиссабонскаго посланника, а Гирсъ былъ признанъ достойнымъ продолжать занимать высшій правительственный постъ министра иностранныхъ дѣлъ.

Царскіе дипломаты въ иностранныхъ государствахъ.

Золото всегда расширяло „сферу вліянія“ нашихъ самодержавцевъ далеко за предѣлы божьей милостью управляемой ими Россіи. Рядъ приводимыхъ ниже документовъ показываетъ, какъ успѣшно конкуррировало царское правительство съ другими правительствами въ той щекотливой области взаимныхъ международныхъ отношеній, которое опредѣляется словомъ „военное шпіонство“: какъ превосходно оно умѣло отцѣживать изъ мутной воды интригъ въ мірѣ своихъ же сыщиковъ

скромныя крупицы своей личной пользы: какъ наконецъ, оно щедро оплачивало своихъ слугъ, — до того щедро, что заставляло самаго Александра III, стоявшаго на стражѣ интересовъ отечества, протестовать противъ излишней расточительности. Вотъ интересныя данныя къ вопросу о шпіонствѣ русскихъ посольствъ на балканскомъ полуостровѣ:

Министръ иностранныхъ дѣлъ Гирсъ телеграфируетъ императорскому посланнику въ Бухарестѣ:

„Генералъ-адъютантъ Николай Николаевичъ Обручевъ сообщаетъ мнѣ, что военное министерство послало въ Румынію поручика генеральнаго штаба Деана Ивановича Субботича для съемки плановъ тамошнихъ укрѣпленій. Господину Субботичу поручено кромѣ этихъ плановъ достать изъ генеральнаго штаба планы внутренняго устройства укрѣпленій и расположенія минъ. Вслѣдствіе этого, имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство оказать поручику Субботичу возможное содѣйствіе въ выполненіи его задачи. Присовокупляя къ сему, что онъ оффиціально признается нашимъ военнымъ агентомъ въ

Бухарестѣ и Бѣлградѣ, прошу Васъ довести до свѣдѣнія румынскаго правительства объ этомъ назначеніи господина Субботича".

Полгода спустя, 16 февраля 1888 г. посланникъ уже могъ въ секретномъ письмѣ сообщить въ Петербургъ министру иностранныхъ дѣлъ, что Субботичъ „посильно и съ полнымъ пониманіемъ выполнилъ свою задачу". Одновременно онъ дѣлаетъ представленіе къ орденамъ двухъ румынскихъ подпоручиковъ, откомандированныхъ ему румынскимъ военнымъ министромъ, за то, что они „содѣйствовали поручику Субботичу". А затѣмъ русскій посланникъ продолжаетъ:

„Что касается дѣятельности прикомандированныхъ къ поручику Субботичу, нашихъ инженеровъ, которые съ усердіемъ выполнили свой долгъ при тайной съемкѣ плановъ укрѣпленіи, въ костюмахъ нашихъ разносчиковъ и простыхъ рабочихъ, то г. Субботичъ уже представилъ ихъ директору военно-научнаго комитета Генеральнаго штаба — къ отличію".

Не меньшій интересъ представляетъ и инцидентъ съ убійствомъ одного русскаго агента русскими же сыщиками.

Вотъ обстоятельства этого дѣла:

Рущукскій префектъ Мантовъ, какъ выше упомянуто, былъ агентомъ Россіи и велъ переговоры съ Стамбуловымъ относительно избранія графа Игнатьева на болгарскій княжескій престолъ. Эти переговоры тянулись въ теченіе многихъ недѣлъ. Вдругъ, 20 марта, посланникъ Хитрово телеграфируетъ директору Азіатскаго департамента, что въ предшествующій вечеръ два болгарскихъ эмигранта стрѣляли въ Мантова и тяжело его ранили въ тотъ моментъ, когда драгоманъ рущукскаго консульства, Якобсонъ, хотѣлъ сопровождать Мантова къ нему (Хитрово). Испуганный Якобсонъ подалъ въ отставку.

Черезъ день Хитрово шлетъ опять шифрованную телеграмму въ Петербургъ, на этотъ разъ директору департамента полиціи, слѣдующаго интереснаго содержанія: „Живущіе въ Бухарестѣ болгарскіе эмигранты произвели 19 числа т. мѣс. покушеніе на жизнь рущукскаго префекта Мантова. Виновники схвачены и преданы слѣдственнымъ властямъ. Опасаясь, что можетъ сдѣлаться извѣстнымъ участіе въ этомъ покушеніи нѣкоторыхъ агентовъ нашей

тайной полиціи, я, послѣ переговоровъ съ здѣшнимъ префектомъ, отдалъ распоряженіе, чтобы агенты, по окончаніи слѣдствія и суда, отправились обратно въ Россію.

Покорнѣйше прошу Ваше Пр-ство откомандировать въ Румынію на нѣкоторое время другихъ агентовъ тайной полиціи для надзора за предпріятіями болгарскихъ эмигрантовъ".

Скрытый смыслъ этихъ фразъ достаточно ясенъ; и если изъ дальнѣйшей переписки не видно, была ли исполнена эта просьба не безъ основанія озабоченнаго посланника, то достаточно вырисовывается недостойное лицемѣріе русскаго правительства въ его отвѣтѣ на депешу отъ 20 марта: Директоръ Азіатскаго департамента посылаетъ 20 марта слѣдующую шифрованную телеграмму бухарестскому посланнику:

„Въ отвѣтъ на телеграмму отъ 20 того же мѣсяца имѣю честь довести до свѣдѣнія Вашего Пр-ства, что императорское министерство иностранныхъ дѣлъ не одобряетъ поступка, совершеннаго болгарскими эмигрантами въ Бухарестѣ. Такое поведеніе эмигран-

товъ есть злоупотребленіе гостепріемствомъ, которое имъ оказываетъ Румынія. Поэтому, покорнѣйше прошу Ваше Пр-ство заявить болгарскимъ эмигрантамъ, что императорское министерство не можетъ, вслѣдствіе ихъ безразсудныхъ поступковъ въ Румыніи, оказывать имъ дальнѣйшей поддержки въ содержаніи румынскихъ революціонныхъ комитетовъ. Къ тому же дѣятельность этихъ комитетовъ не привела ни къ какому рѣшительно осязательному результату. Сообщите Г. Якобсону, что его просьба объ отставкѣ въ данный моментъ не можетъ быть исполнена по различнымъ соображеніямъ".

Если мы ко всѣмъ этимъ иллюстраціямъ царской политики въ Болгаріи прибавимъ имѣющіяся среди прочихъ документовъ данныя относительно размѣровъ и характера расходовъ царскаго правительства на перечисленныя предпріятія, то картина роли его въ области международныхъ отношеній получится довольно полная.

Въ одномъ изъ документовъ, помѣченномъ 2-мъ іюля 1887 года, русское посольство въ Бухарестѣ шлетъ въ Петербургъ сводку из-

держекъ, произведенныхъ „на предметъ организаціи національнаго движенія въ Болгаріи“. Эта отчетность, которая, понятно, даетъ только часть издержекъ, — а именно за полугодіе съ 15 декабря 1886 г. по 1 іюля 1887 г. — представляетъ бездѣлицу въ 762 тысячи франковъ! Перечислимъ нѣкоторые особенно интересные пункты. Тутъ мы находимъ: 120.000 франковъ членамъ бухарестскаго революціоннаго комитета согласно предписанію министра иностранныхъ дѣлъ отъ 15 декабря 1886 г., 75.000 франковъ комитету въ Журжево и Рущукѣ, 60.000 франковъ на организацію революціонныхъ комитетовъ въ Болгаріи, 20.000 фр. на тотъ же предметъ, 40.000 франковъ комитету Кристьева въ Силистріи, (Кристьевъ организовалъ военное возстаніе въ Силистріи 3 мая 1887 г., но былъ разстрѣлянъ своими же собственными солдатами), 45.000 фр. — майору Узунову. (Онъ руководилъ военнымъ возстаніемъ 3 марта 1888 года въ Рущукѣ и былъ 4 марта осужденъ на смертную казнь; майоръ Петровъ, издатель „тайныхъ документовъ“ утвердилъ этотъ приговоръ 5 марта). 15.000 фр. капитану Больману. (Онъ былъ приговоренъ къ смерти въ качествѣ сообщника

Узунова, но, по требованію русскаго правительства, выданъ нѣмецкому консулу). 60.000 фр. майору Груеву и капитану Бендереву. (Оба организовали государственный переворотъ противъ Батенберга и увезли его въ Рени 21 августа 1886 г., затѣмъ были арестованы, но 3 октября 1886 г. освобождены, по требованію русскаго генерала Каульбарса). 4000 фр. эмигранту Пенчо Черковскому, какъ члену рущукскаго революціоннаго комитета. 8000 фр. ему же въ дѣлѣ Мантова. 4000 фр. эмигранту Миларову въ дѣлѣ Мантова (русскаго агента, убитаго, какъ сказано, при содѣйствіи русскихъ сыщиковъ). 62.000 фр. офицерамъ и другимъ эмигрантамъ на дорогу въ Россію. 75.000 фр. на единовременное вспомоществованіе добровольцамъ (въ силу предписанія начальника Азіатскаго департамента отъ іюня 1887 г.).

Издержки эти показались царю слишкомъ большими и директоръ Азіатскаго департамента пишетъ русскому консулу въ Болгаріи: На подлинномъ докладѣ статсъ-секретаря Гирса при представленіи отчетности объ издержкахъ на поддержаніе народнаго движенія— въ Босніи и Герцоговинѣ — Государь Импера-

торъ собственноручно написалъ: „нельзя ли сократить эти расходы и быть разсчетливѣе съ оккупаціоннымъ фондомъ?“

* * *

Приведенные документы съ достаточной ясностью говорятъ о томъ, какую развращающую роль играетъ самодержавіе въ международной политикѣ. Будемъ надѣяться, что въ будущемъ мы узнаемъ точно такія же разоблаченія относительно политики царизма на Дальнемъ Востокѣ, гдѣ политическая интрига, подкупъ и преступленія несомнѣнно играли не меньшую роль, чѣмъ въ политикѣ балканской.

Романовская монархія, поддерживающая свое внѣшнее могущество устройствомъ заговоровъ и цареубійствъ — та самая монархія, которая внутри пытается укрѣпиться реакціонными народными движеніями на національной подкладкѣ (Кишиневъ!) и демагогически использовать классовую борьбу (Зубатовщина). Ставъ на этотъ путь, самодержавіе расписывается въ собственномъ политиче-

скомъ банкротствѣ — въ непримиримомъ противорѣчіи между основами своей реальной политики и своей оффиціальной программой.

Дѣло народа — позаботиться о томъ, чтобы при ликвидаціи нынѣшняго режима не было оставлено камня на камнѣ въ томъ насквозь прогнившемъ зданіи бюрократіи, которое является главнымъ очагомъ реакціонной заразы, отравляющей весь міръ.